

Е.А. СУСЛОПАРОВА

КЕЙР ГАРДИ – ПЕРВЫЙ ЛИДЕР БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ

За более чем 100-летнюю историю лейбористская партия Великобритании сменила почти два десятка лидеров. Не будет преувеличением сказать, что каждая эпоха рождала своего руководителя, воплощавшего в себе как сильные, так и слабые стороны партии на определенном этапе ее развития. Например, осторожный Р. Макдональд, мастер политического маневра, сумевший интегрировать лейбористов в британскую двухпартийную систему в 20-е годы XX в.; безупречный К. Эттли, возглавивший послевоенное лейбористское правительство 1945 г, заложившее в Великобритании основу “государства благосостояния”; в конце 50-х – начале 60-х годов “боец” Х. Гейтскелл, прошедший с лейбористами, как это принято говорить, “через пустыню” и запомнившийся отчаянными попытками выйти за рамки “коллективистского социализма”. Нельзя не вспомнить весьма удачливого на выборах Г. Вильсона, почти заставившего соотечественников поверить в безграничные возможности научно-технической революции. Вот лишь некоторые имена. Завершающим аккордом на сегодняшний день явилось поколение “новых лейбористов”, приложившее немало усилий, чтобы реформировать партию на рубеже XX–XXI вв. Каждый лидер олицетворял свое время.

Фигура первого лейбористского руководителя К. Гарди на этом фоне выглядит, пожалуй, наиболее загадочной. Во-первых, Гарди оказался у руля партии в начале XX в., в непростые годы, когда лейбористы делали лишь первые шаги в поисках своей самоидентичности. Во-вторых, в силу своеобразия личности: противники и политические оппоненты видели в нем, порой, чуть ли не бунтовщика, непредсказуемого и неукротимого, со всей силой готового обрушиться на устои старой доброй Англии. Почитатели, напротив, питали к нему безграничное уважение как к человеку, на заре лейбористской истории заложившему основу независимого рабочего представительства, вдохнувшему жизнь в партию, которой было суждено пережить и его, и несколько поколений его последователей.

Более того, без преувеличения можно сказать, что чем мощнее становились лейбористы на протяжении XX в., тем больший вес обретала фигура Гарди, постепенно превращаясь в некий мифический образ “отца основателя”. Как писал лейбористский историк Дж. Коул, даже те, кто ругал Гарди при жизни, после его смерти присоединились к общей череде восхвалений¹. Интересно и то, что на фоне внутрипартийных политических баталий, разворачивавшихся в лейбористских рядах на протяжении последующих десятилетий, Гарди оставался “точкой отсчета”, неким символом, перед которым безоговорочно снимали шляпу как правые, так и левые социалисты. По справедливому замечанию известного британского исследователя К. Моргана, одна лишь фраза “если бы Гарди был жив”, уже была надежной гарантией восстановления единства и согласия на партийной конференции².

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Cole G.D.H.* James Keir Hardie. London, 1941, p. 34.

² *Morgan K.O.* Keir Hardie, Radical and Socialist. London, 1975, p. 1.

Принято считать, что Гарди был первым настоящим рабочим депутатом в английском парламенте, который вел себя соответственным образом и сумел без ложного лицемерия не только озвучить требования и выразить протест неимущих в стенах, не привыкших к подобным выступлениям, но и явиться на заседания в вызывающем головном уборе – кепке! Однако типичным рабочим человеком Гарди в действительности никогда не был, и этот образ слишком схематичен, чтобы воспринимать его всерьез.

Возможно, встречающееся на страницах британской историографии утверждение, будто Гарди вообще был аутсайдером в лейбористском движении выглядит слишком резко и несправедливым³. Тем не менее, определенная доля истины в этом присутствует. Гарди был необычен, противоречив, умел эпатировать публику, и, не исключено, что получал от этого определенное удовольствие. Спустя более века в рассказе об этом человеке все сложнее отделить миф от реальности. Жизнь Гарди, в том числе и загробная, окутана легендами. Одна из наиболее символических состоит в том, что через 30 лет после смерти (в 1945 г.) во время спиритуалистического сеанса (!) он явился своим последователям и благословил третье лейбористское правительство Эттли⁴. Мораль такова, что поколение 40-х годов по-прежнему нуждалось в его одобрении.

Не удивительно, что личность Гарди неоднократно привлекала внимание многих исследователей. Среди основных публикаций можно назвать работы У. Стюарта, Г. Файфа, Дж. Коула, Э. Хьюза, Дж. Кокберна, Я. Маклина, наиболее интересную, с моей точки зрения, биографию К. Моргана, публикации Ф. Рейда и других авторов⁵. Из отечественных историков, обращавшихся к деятельности К. Гарди, необходимо выделить в первую очередь В.Н. Виноградова⁶. Однако фигура первого лейбористского лидера поистине необъятна, что оставляет значительный резерв и для новых исследований.

Что же в реальности представлял собой этот политический деятель, в чем заключались его сильные и слабые стороны, насколько его личность и взгляды предопределили будущее лейборизма? На эти вопросы предполагается дать ответ на страницах данного очерка.

РАННИЕ ГОДЫ

Сам Гарди свое детство и молодость называл не иначе как унылыми, подчеркивая, что так никогда и не почувствовал, что значит быть ребенком⁷. Он появился на свет 15 августа 1856 г. в местечке Легбрэннок на западе Шотландии и с детства познал лишения и нищету. Будучи незаконнорожденным, даже ставшую известной фамилию он обрел лишь спустя несколько лет, когда мать в 1859 г. вышла замуж за корабельного плотника Д. Гарди. В возрасте восьми лет Кейр уже был вынужден зарабатывать на жизнь, а в 10 лет первый раз спустился в шахту. Именно там ему в полной мере открылась вся неприглядная сторона жизни труженика, связанная с тяжелой и опасной работой под землей.

Однако уже в юные годы в характере Гарди, его мировоззрении было нечто, не вполне вписывавшееся в стереотип простого шотландского углекопа. Он был весьма честолюбив и, что гораздо важнее, обладал ярко выраженным стремлением к самообразованию. Будучи шахтером, Гарди посещал вечернюю школу, где обучился грамоте.

³ *Morgan K.O. Labour People, Leaders and Lieutenants, Hardie to Kinnock. Oxford, 1987, p. 24.*

⁴ *Ibid., p. 27.*

⁵ *Stewart W. J. Keir Hardie. A Biography. London, 1921; Fyfe H. Keir Hardie. London, 1935; Hughes E. Keir Hardie. A Pictorial Biography. London, 1950; Cockburn J. The Hungry Heart. A Romantic Biography of James Keir Hardie. London, 1956; Mclean I. Keir Hardie. London, 1975; Reid F. Keir Hardie. The Making of a Socialist. London, 1978.*

⁶ *Виноградов В.Н. У истоков лейбористской партии (1889–1900). М., 1965; его же. Закат К. Гарди и возвышение Р. Макдональда. – Новая и новейшая история, 1972, № 5.*

⁷ *Labour Leader, 1906, v. 3, № 14, p. 217.*

В литературе его внимание привлекал прежде всего исторический жанр. Гарди читал биографии известных деятелей прошлого, увлекался Т. Карлейлем, шотландскими легендами и поэзией, стал почитателем своего знаменитого соотечественника Р. Бернса. Ему импонировал романтический индивидуализм. Много позже Гарди признавался, что в плане становления личности обязан этому поэту более чем кому бы то ни было, так как “он придал форму и наполнил содержанием мое незрелое мышление”⁸.

Интересно, что сугубо политическая и экономическая литература в эти годы не вызвала у Гарди особого интереса. Впрочем, несомненное влияние на его мировоззрение оказал известный английский писатель и теоретик искусства, идеолог прерафаэлитов Дж. Раскин⁹. Романтический протест против буржуазной действительности, ценностей современного промышленного мира, его эгоизма и бездушия привлекали молодого Гарди.

Другая важнейшая сторона жизни, без которой невозможно представить формирование его личности – это христианская этика. Одно время Гарди увлекался доктриной евангелической церкви¹⁰. Однако в целом его сложно было причислить к сторонникам какого-то определенного религиозного течения. Именно эти юношеские увлечения и христианская вера объясняют, почему Гарди в дальнейшем будет привлекать в социализме, прежде всего, нравственная идея, понятия справедливости, братства, этические ценности.

С конца 70-х годов XIX в., живя в Шотландии, Гарди приобщился к тред-юнионистской работе. Он стал одним из активистов профсоюза шахтеров в Ланаркшире под началом А. Макдональда. Ситуация на шахтах в то время была плачевной. На фоне экономической депрессии заработная плата рабочих неизменно сокращалась. В результате в 1879–1881 гг. по региону прокатилась волна достаточно крупных забастовок с участием Гарди. Эта череда драматических событий явилась своего рода рубежом в его биографии. Гарди выгнали с шахты в Гамильтоне, что означало конец шахтерской карьеры. Работодатели не желали больше видеть его на рудниках. В итоге, с одной стороны, всего за несколько лет будучий лейбористский лидер обрел репутацию упорного и пламенного борца за интересы рабочих. С другой, как писал К. Морган, в глазах широкой публики он предстал скорее непрактичным, импульсивным бунтовщиком¹¹. В любом случае в 26 лет рабочий путь Гарди – закончился навсегда.

Началась карьера Гарди – журналиста. Ему удалось получить работу репортера в местной либеральной газете “Камнок ньюс”, а затем в еженедельнике “Эдроссен энд солткоатс геральд”. С 1884 г. он довольно часто выступал на митингах либеральной партии. Тем не менее, на рубеже 1886–1887 гг. мировоззрение Гарди претерпело определенную трансформацию, на что обращают внимание его биографы. Ф. Рейд, в частности, связывает это с совпавшей по времени одной из крупнейших за всю историю графства стачкой в Ланаркшире, в ходе которой активно использовалась полиция, а также проводились аресты. С его точки зрения, эти события произвели на Гарди очень сильное впечатление¹². Так или иначе в его заметках и выступлениях все отчетливее начинают звучать более радикальные требования. Гарди уходит из “Камнок ньюс” и в 1886 г. становится секретарем недавно созданного Эйрширского профсоюза шахтеров, а затем Шотландской национальной шахтерской федерации. Он устанавливает тесные контакты с весьма радикальными профсоюзными вождями, такими как У. Смол, Р. Смайли, Р.Ч. Робертсон, активно выступает за установление восьмичасового рабочего дня. В январе 1887 г. Гарди основывает ежемесячное издание “Майнер” (“Шахтер”), журнал, как писал он сам, поддерживающий любые реформы для облегчения

⁸ Labour Leader, 1909, v. 6, № 4, p. 52.

⁹ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 7.

¹⁰ Fyfe H. Op. cit., p. 16.

¹¹ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 11.

¹² Reid F. Op. cit., p. 79–80, 94, 98.

нужд миллионов трудящихся¹³. Уже скоро на его страницах появятся слова Гарди: “Капитализм сослужил хорошую службу в прошлом, способствуя развитию торговли и коммерции. Но его время практически закончилось”¹⁴.

В том же году Гарди впервые оказался на ежегодном конгрессе тред-юнионов, проходившем в Суонси. Положение на шотландских шахтах было столь тяжелым, что Гарди со всей яростью обрушился на Г. Бродхеста, либерально настроенного секретаря Парламентского комитета Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), чем привлек к себе немалое внимание и вызвал неоднозначную реакцию. В тот период основная рабочая масса Великобритании, обладавшая избирательным правом, покорно из года в год голосовала за либеральную партию в надежде на постепенные реформы. Делегаты конгресса традиционно являлись весьма уважаемыми профсоюзными функционерами, свято верившими в то, что существующие политические партии, прежде всего в лице либералов, способны в должной степени позаботиться об их интересах. В результате выдвинутое Гарди предложение о необходимости увеличения рабочего представительства в парламенте посредством создания новой самостоятельной рабочей партии оказалось на тот момент, по сути, “гласом вопиющего в пустыне” и не встретило никакого понимания ни со стороны делегатов, ни со стороны самого Бродхеста, ярого поклонника тогдашнего либерального лидера У. Гладстона, фактически легализовавшего профсоюзы в начале 1870-х годов¹⁵. Выступая на одном из митингов годом позже Гарди скажет с иронией: “Рабочие так давно привыкли, что ими управляют сверху, что сама мысль о том, что им необходимо взять инициативу в свои руки, уже выглядит святотатством. Но рано или поздно им придется это сделать. Наступит время... и либерализм будет... похоронен”¹⁶.

Однако возросшая левизна взглядов Гарди в те годы не имела ничего общего с марксизмом. Еще в 1884 г. на волне “социалистического возрождения” в Англии была основана Социал-демократическая федерация (СДФ) Г. Гайндмана, активно занимавшаяся марксистской пропагандой, но Гарди к ней никогда не примыкал, хотя и поддерживал контакты с некоторыми ее активистами. В 1887 г., во время пребывания в Лондоне, состоялось его знакомство с Ф. Энгельсом, но и это какого-то поворота в мировоззрении Гарди не вызвало¹⁷. Тем не менее, он все больше разочаровывался в либеральной партии как политической силе, способной отстоять интересы рабочих. Характерно, что на Гарди, как и на многих будущих ведущих лейбористских политиков, по его собственному признанию, большое влияние в эти годы оказала книга американца Г. Джорджа “Прогресс и бедность”. Ее автор, совершивший еще в начале 1880-х годов триумфальное турне по британским островам, выступал ярким противником лендлордизма¹⁸.

В 1888 г. Гарди при поддержке одного из активистов Социал-демократической федерации Г. Чемпиона, а также Рабочей предвыборной ассоциации баллотировался в парламент на дополнительных выборах в качестве независимого кандидата в шахтерском округе Мид–Ланарк, но проиграл сопернику либералу¹⁹. Эта кампания продемонстрировала не только сильные стороны Гарди как энергичного и напористого кандидата, но и слабые. Он был слишком горяч, излишне резко критиковал духовенство и королевскую семью, часто вступал в мелочную полемику с аудиторией, что портило общее впечатление от его выступлений²⁰. Уже скоро, тем не менее, в августе 1888 г.,

¹³ Keir Hardie's Speeches and Writings (From 1888 to 1915). Glasgow, 1948, p. 4.

¹⁴ Цит. по: Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 18.

¹⁵ Ibid., p. 19.

¹⁶ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 8.

¹⁷ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 16.

¹⁸ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 138; Mclean I. Op. cit., p. 21–22.

¹⁹ Mclean I. Op. cit., p. 29–31. Впрочем, Рабочая предвыборная ассоциация в ходе кампании отказалась от поддержки Гарди.

²⁰ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 29.

при непосредственном участии Гарди была создана Шотландская рабочая партия, куда вошли главным образом представители шотландских профсоюзов, а также члены Шотландской земельной лиги, сторонники земельной реформы²¹.

Тем временем обстановка в стране стремительно менялась. Переломным моментом в истории британского рабочего движения явилась Великая стачка докеров августа – сентября 1889 г., наглядно продемонстрировавшая рабочим, что их сила не в ожидании подачек со стороны политического истеблишмента, а в сплочении и солидарности. Конфликт завершился победой бастующих – их ключевые экономические требования были удовлетворены. В результате это событие явилось своего рода катализатором перемен. На рубеже 80–90-х годов XIX в. Англию буквально накрыла волна “нового юнионизма”. По всей стране начали создаваться качественно иные обновленные тред-юнионы, реорганизовываться старые. Характерными чертами “нового юнионизма” была бо́льшая демократичность, левизна, “боевой дух”, отсутствие прежней кастовости, открытость для новых членов, в том числе и женщин.

Молодость Гарди заканчивалась. Он был женат, имел троих детей. Однако в 1892 г. судьба дала ему шанс подняться на качественно иную ступень – выйти на авансцену британской национальной политики в гораздо более ярком и запоминающемся качестве. Открывалась новая страница его жизни.

В ПАРЛАМЕНТЕ И ВНЕ ЕГО

В 1892 г. Гарди впервые стал депутатом английского парламента от лондонского округа Вест – Хэм. Значительную часть избирателей этого округа составляли портовые рабочие, отличавшиеся после Великой стачки докеров 1889 г. известным радикализмом. Однако победа Гарди стала возможна в значительной мере благодаря тому, что ему удалось привлечь на свою сторону либеральных избирателей. Его предвыборная программа включала целый ряд требований, изложенных в Нью-Каслской программе У. Гладстона 1891 г. Гарди поддерживал гомруль для Ирландии, свободу торговли, антиалкогольное законодательство, а также земельную реформу, реформу избирательного права. Одновременно он много говорил о весьма актуальных для жителей округа социальных проблемах – безработице, жилье, увеличении заработной платы. В отсутствии конкурента на левом фланге Гарди уверенно обошел консервативного соперника и перед ним, наконец, открылись двери Вестминстерского дворца.

Известная история о первом появлении Гарди в парламенте 3 августа 1892 г. красноречиво подтверждает, насколько уже в эти годы он умел эпатировать публику. Въезд в ворота Вестминстерского дворца под звуки Марсельезы, исполняемой знакомым корнетистом, надолго остался в памяти современников²². К тому же впоследствии все это обросло легендами о том, что “скандального депутата” сопровождал чуть ли не духовой оркестр. Не меньший фурор произвел и “парламентский” наряд Гарди: желтые твидовые брюки, пиджак из сержа и мягкая твидовая кепка²³. Его зять Э.Хьюз утверждал впоследствии, что Гарди не имел никаких намерений шокировать публику²⁴. На самом же деле, как справедливо писал один из биографов Гарди К. Морган, типичному шотландскому углекопу никогда бы не пришло в голову надеть на себя подобное. Наряды Гарди скорее напоминали эксцентрический эпатаж богемы, нежели скромный гардероб рабочего человека²⁵. В последующие годы Гарди не отказывал

²¹ Reid F. Op. cit., p. 117.

²² Эту историю приводят практически все биографы К. Гарди. Достаточно подробна она в свое время была изложена и В.Н. Виноградовым: *Виноградов В.Н. У истоков лейбористской партии*, с. 239.

²³ “Парламентский” наряд Гарди детально описывает его биограф К. Морган: *Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist*, p. 54.

²⁴ Hughes E. Op. cit., p. 57.

²⁵ *Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist* p. 55.

себе в удовольствии появляться на людях в сандалиях, кимоно и другой экстравагантной одежде.

Однако можно согласиться с мнением В.Н. Виноградова, что все эти любопытные эпизоды вскоре были бы забыты и канули в небытие, если бы Гарди не завоевал широкой известности на новом для себя парламентском поприще²⁶. Будущий лидер лейбористской партии категорически не принимал позицию своих предшественников – депутатов из рабочей среды, являвшихся, с его точки зрения, послушным орудием в руках парламентского механизма. Не случайно еще в 1887 г. он писал на страницах журнала “Майнер”: “По правде говоря, ни один рабочий представитель пока не добился особого успеха в парламенте. Как правило, он боится выйти за рамки приличий, казаться слишком радикальным. Думает больше о собственной репутации в парламенте, нежели об интересах своих страдающих собратьев на фабриках и шахтах, хочет, чтобы его считали джентльменом”²⁷. В одном из номеров журнала Гарди высказался на эту тему еще более жестко: “Какая разница в том, что мои интересы в парламенте представляет рабочий, если это всего лишь немая собака, не осмеливающаяся гавкнуть”²⁸.

Гарди не побоялся “шагнуть за рамки приличий” в викторианской Англии. Он стал первым в истории “депутатом от безработных”. Проблема безработицы была весьма актуальна для Великобритании конца XIX в. Страна постепенно утрачивала промышленную гегемонию, уступая место более сильным и динамично развивающимся конкурентам в лице Германии, США. Высокие доходы от обслуживания международных финансовых операций, зарубежных инвестиций и фрахтовых перевозок до поры до времени позволяли Великобритании пренебрегать капиталовложениями в собственное производство. Техническое оснащение старых традиционных отраслей промышленности постепенно приходило в негодность. Неизбежным следствием этих процессов являлась безработица.

Меры по борьбе с безработицей, предлагаемые Гарди, были, с одной стороны, не столь уж революционны. Он делал упор на введение 48-часовой рабочей недели для всех лиц, занятых на предприятиях, запрет сверхурочного труда, политику переселения внутри страны, но был против поощрения эмиграции, так как не без основания считал, что уезжают лучшие и наиболее энергичные. С другой стороны, важна была сама манера его парламентских выступлений, стиль поведения.

Гарди был беспрецедентно резок в своих речах и даже не гнушался нападками на королевскую семью, что было дикостью для того времени. Одним из самых ярких эпизодов было его выступление в палате общин 28 июня 1894 г., когда он демонстративно отказался присоединиться к поздравлениям королевской семье в связи с рождением наследника у герцогини Йоркской. Его слова прозвучали как гром под сводами парламента: “С рождения мальчик будет окружен подхалимами и льстецами”, которые приучат его к мысли, что он “создание, превосходящее других”²⁹. Досталось и другим членам королевской семьи. Мы имеем право спросить, восклицал Гарди, какие особые благодеяния принесла нации королевская династия. “В жизни и карьере принца Уэльского нет ничего, что вызвало бы у меня одобрение”, скорее присутствуют эпизоды, которые желательно было бы скрыть. “Мы мельком видим принца то за игровыми столами, то на скачках”³⁰. Излишне говорить, что у коллег парламентариев это вызвало бурю протеста и крики негодования.

Но Гарди был неустрашим. Однако нельзя не отметить, что его попытки подобными речами привлечь внимание к социальной несправедливости в стране, экономическим бедствиям носили порой слишком скандальный оттенок, закрепляя за ним репутацию не только “депутата от безработных”, но и человека весьма необычного.

²⁶ Виноградов В.Н. У истоков лейбористской партии, с. 240.

²⁷ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 5.

²⁸ Ibid., p. 7.

²⁹ The Parliamentary Debates, House of Commons, Fourth Series, v. 26, col. 463–464.

³⁰ Ibid., col. 462–463.

К тому же важно понимать, что Гарди, хотя и был ярок и заметен как парламентарий, никогда не чувствовал себя там “как дома” и не скрывал, что парламентские заседания кажутся ему противными и скучными. С одной стороны в Вестминстере он не находил общего языка с представителями либеральной партии. С другой, “рабочие депутаты” старой школы, “не осмеливающиеся гавкнуть”, были ему глубоко чужды, и неприязнь была во многом взаимной.

Однако кризис идеологии классического либерализма, “социалистическое возрождение” 1880-х годов, связанное с созданием таких организаций, как Социал-демократическая федерация, Фабианское общество³¹, взлет “нового юнионизма”, заметное оживление профсоюзного движения, не могли не оставить своего следа в политической истории. В эти годы все большую популярность в Англии начала приобретать идея независимого рабочего представительства – объединения различных социалистических и рабочих групп в независимую от двух других партий (консерваторов и либералов) политическую силу. Гарди в этот период становится локомотивом этой идеи.

В результате в январе 1893 г. в г. Бадфорде прошла учредительная конференция Независимой рабочей партии (НРП). Место конференции было избрано не случайно. В ту пору в Бадфорде располагалось более 20 рабочих клубов и идея независимого рабочего представительства пользовалась у рабочих широкой поддержкой³². Всего на мероприятии присутствовало 115 делегатов – представители Фабианского общества, Социал-демократической федерации, Шотландской рабочей партии, рабочих клубов, несколько членов профсоюзов. Гарди, чья известность к тому времени достигла национального масштаба, был избран председателем конференции³³.

Одобренная программа партии включала в себя отмену сверхурочного труда, восьмичасовой рабочий день, запрет детского труда до 14 лет, социальную поддержку больных, престарелых и инвалидов, всеобщее избирательное право, сокращение срока полномочий палаты общин, оплату предвыборных расходов кандидатов, введение всеобщего референдума для решения наиболее важных вопросов и даже ликвидацию монархии и палаты лордов. Более того, в качестве цели партии был заявлен открытый социалистический лозунг – коллективная собственность на средства производства, распределения и обмена. Однако, несмотря на требование ряда делегатов учредительной конференции, само слово “социалистическая” не фигурировало в названии партии. Подобная формулировка, по мнению многих, могла бы отпугнуть от нее значительную часть рабочих, представителей тредюнионов, поддерживавших ключевые программные требования, но не являвшихся ревностными социалистами³⁴. В конечном счете, это было взвешенное и разумное решение. В последующие годы в рядах новой партии будут звучать призывы к переименованию, но, как писал К. Морган, Гарди хотел придать НРП гибкость, которую сам лично редко демонстрировал в палате общин³⁵. В этом был парадокс, но человек, произносивший в парламенте громовые речи, обладал невероятным, безошибочным политическим чутьем.

Более того, на второй конференции НРП, проходившей в Манчестере в феврале 1894 г., специально обсуждался вопрос о взаимоотношении партии с тред-юнионами. В специальной резолюции была выражена особая симпатия по отношению к профсоюзам, а также было решено, что НРП должна оказывать активную поддержку тред-юнионам и всячески вовлекать рабочих в свои ряды³⁶. Это принципиально отличалось

³¹ Фабианское общество было создано представителями английской интеллигенции в 1884 г. Однако в отличие от Социал-демократической федерации оно выступало за преобразование капиталистического общества в социалистическое путем медленных, постепенных реформ.

³² *Adelman P.* The Rise of the Labour Party, 1880–1945. London, 1995, p. 21.

³³ Report of the First General Conference of the Independent Labour Party. Glasgow, 1893, p. 2.

³⁴ *Ibid.*, p. 3, 4, 10.

³⁵ *Morgan K.O.* Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 64.

³⁶ Minutes of the Second Annual Conference of the Independent Labour Party. Glasgow, 1894, p. 6–7.

от позиции старых социалистических организаций – Социал-демократической федерации и Фабианского общества, которые не стремились сотрудничать с профсоюзами и тем самым лишали себя массы рабочих сторонников.

Наиболее заметную роль в рядах НРП играли Б. Глазье, Ф. Джоуэтт, Дж. Клайнс, П. Каррен, Б. Тернер, Б. Тиллет, позднее Р. Макдональд и Ф. Сноуден³⁷. С 1894 г. на протяжении последующих шести лет Гарди был бессменным лидером НРП, “ее символом и пророком”³⁸. Партия без преувеличения могла считаться его детищем. Неудивительно, что дальнейшая позиция НРП, ее идеология несли на себе очевидную печать его взглядов.

Как уже говорилось, Гарди был весьма далек от марксизма. Постепенно он начал воспринимать социализм в духе традиций этического социализма, отвергавшего неизбежную смену общественно-политических формаций и теорию классовую борьбы. Марксистская доктрина, считал Гарди, объясняет социализм с материалистических позиций, но “она не затрагивает человеческих чувств и ощущений”, тем самым упуская главное³⁹. Его биограф Г. Файф отмечал, что Гарди пришел к социализму скорее эмоциональным, но не интеллектуальным путем⁴⁰. В работе “Социализм и христианство” Гарди писал: социализм в своей основе – это “вопрос этики и морали”, подчеркивая его неразрывную связь с религией, с идеями раннехристианских проповедников⁴¹. По словам его более молодого соратника по НРП Ф. Сноудена, социализм Гарди олицетворял собой “право всех мужчин и женщин на богатство мира и наслаждение всей полнотой жизни”⁴². Однако здесь нельзя не отметить, что Гарди был совершенно некомпетентен в экономических вопросах и практически не уделял внимания подобным сюжетам. В итоге, по справедливому замечанию другого его биографа, пренебрежение экономикой стало в дальнейшем характерной чертой лейборизма на этапе его становления⁴³.

Любопытно, что Гарди довольно часто в своих речах и публикациях употреблял слово революция. Однако, как справедливо писал В.Н. Виноградов, он вкладывал в него совершенно иной смысл, рассматривая революцию именно как некий переворот в общественном сознании⁴⁴, но не как кульминацию классовой борьбы. “Социализм, бесспорно, революционен, – заявлял Гарди, – однако то, что его можно достичь только посредством насилия, в корне неверно”⁴⁵. В его взглядах нетрудно было заметить и отголоски фабианских идей коллективистского социализма, постепенно пробивавшего себе дорогу в капиталистическом мире. Как и фабианцы, Гарди возлагал большие надежды на вовлечение муниципалитетов в строительство нового общества, подчеркивая, что сфера их компетенции постепенно расширяется. Например, он писал, что “в наши дни муниципальные молочные хранилища становятся обычным делом” и задавался вопросом, почему бы не расширить деятельность муниципалитетов в других направлениях⁴⁶. В своих работах Гарди настаивал на необходимости расширения экономических функций государства и постепенной передаче в общественную собст-

³⁷ The Book of the Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders, v. I. London, 1925, p. 106.

³⁸ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 65.

³⁹ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 121.

⁴⁰ Fyfe H. Op. cit., p. 71.

⁴¹ Hardie J.K. Socialism and Christianity. London, [1907], p. 3, 6. В другой своей работе Гарди сформулировал это следующим образом: “Социализм являет собой триумф нравственного закона над грубой силой”. – Hardie J.K. After Twenty Years: All About the ILP. London, 1913, p. 7.

⁴² Snowden P. An Autobiography. v. I. 1864–1919. London, 1934, p. 315–316.

⁴³ Morgan K.O. Labour People, Leaders and Lieutenants, Hardie to Kinnock, p. 28.

⁴⁴ Виноградов В.Н. У истоков лейбористской партии, с. 243.

⁴⁵ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 121.

⁴⁶ Hardie J.K. Socialism. London, 1907, p. 11.

венность основных отраслей промышленности. Он писал, что не видит смысла в проведении какой-либо “демаркационной линии” между тем, что потенциально можно отнести к государственной, а что к частной сфере предпринимательства, утверждая, что в каждом случае нужно руководствоваться соображениями пользы и практической. Недопустимым, с его точки зрения, было и сохранение давно изжившего себя лендлордизма⁴⁷.

Наконец в работах Гарди звучала еще одна идея, которой суждено будет стать ключевой в дальнейшей истории независимого рабочего представительства. Несмотря на левизну взглядов, он был очевидным сторонником “парламентского социализма” и верил, что постепенная трансформация общества может быть осуществлена только путем парламентских реформ. Для этого действительно независимые рабочие представители должны прийти в парламент и отстаивать интересы своих избирателей. Позднее эта идея получила подробное освещение на страницах работ его более молодых соратников по НРП – Р. Макдональда и Ф. Сноудена⁴⁸. Как писал Гарди, работодатели могут позволить себе улыбаться лишь до тех пор, пока они сами издают законы⁴⁹.

Именно эти взгляды, с одной стороны, казалось бы, не отличавшиеся особой оригинальностью, с другой – порой весьма рациональные, на долгие годы станут основой лейбористского движения. Человек, въехавший в ворота Вестминстерского дворца вод звуки Марсельезы, был не только бунтарем и романтиком, но и очевидным прагматиком. Именно эти идеи независимого рабочего представительства в конечном счете приведут со временем к кардинальной трансформации британской политической системы в XX в.

Одновременно Гарди в эти годы активно занимался журналистикой. С марта 1894 г. под его редакцией начал выходить рабочий еженедельник “Лейбор лидер”, который стал фактически рупором НРП. Наряду с Гарди, над журналом работали такие активисты, как Б. Смайли, С. Хобсон, Б. Глазье. Гарди регулярно писал для издания редакторские комментарии и, что любопытно, вел женскую страницу под псевдонимом Лили Белл.

Что касается судьбы собственно Независимой рабочей партии, то она была непростой. К весне 1895 г. членство в НРП составило уже 35 тыс. человек⁵⁰. Однако заметным изъяном было то, что партия изначально носила во многом провинциальный характер. Большинство делегатов учредительной конференции представляли лишь север Англии, в особенности Йоркшир и Ланкашир⁵¹. Фабианское общество и СДФ на национальном уровне так туда и не вошли, хотя многие провинциальные фабианские организации проявили непокорность и вступили в партию. НРП отчаянно не хватало денег, сложно было наладить работу между центром и местными организациями. Для успеха на национальном уровне необходимо было организовать пропаганду в Лондоне, а это не получалось⁵².

В результате парламентские выборы 1895 г. оказались для партии крайне неудачными. “Независимцы” выставили 28 кандидатов, и все они потерпели поражение, включая самого Гарди, который опять баллотировался от Вест – Хэм. Проводя много времени на митингах, разъезжая по стране, Гарди фактически пренебрегал в эти годы посещением своего округа. К тому же для голосовавших за него на прошлых выборах радикально настроенных либералов скандально прогремевший на всю страну “депутат от безработных” казался теперь не совсем подходящей фигу-

⁴⁷ Ibid., p. 8, 10.

⁴⁸ Macdonald J.R. Parliament and Revolution. London, 1919, p. 57–59; Snowden P. Labour and the New World. London, 1924, p. 61–63.

⁴⁹ Keir Hardie’s Speeches and Writings, p. 70.

⁵⁰ Report of the Third Annual Conference of the Independent Labour Party. London, 1895, p. 5.

⁵¹ Douse R. Left in the Centre. The Independent Labour Party 1893–1940. London, 1966, p. 5; Pelling H. The Origins of the Labour Party 1880–1900. Oxford, 1965, p. 116.

⁵² Adelman P. Op. cit., p. 22–23.

рой. Потратив около 4 тыс. фунтов на избирательную кампанию и проиграв выборы, партия оказалась чуть ли не на грани финансового банкротства⁵³. Как признавал сам Гарди, вслед за возбуждением, сопровождавшим выборы, нахлынула волна уныния⁵⁴. Последующие два года в истории НРП будут отмечены апатией и пессимизмом. Тем не менее, идея независимого рабочего представительства была слишком значима и принципиальна, чтобы бесславно быть похороненной в конце XIX в. Все только начиналось.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОФСОЮЗОВ

В своих выступлениях и публикациях последующих лет Гарди настойчиво отстаивал точку зрения, что компромисс с либеральной партией, несмотря на временные трудности, недопустим. Он резко критиковал старых профсоюзных функционеров, живущих представлениями 25-летней давности и возлагал надежды на новое более динамичное поколение. «Неужели мы должны ждать, – не скрывал своего возмущения Гарди, – пока одна или другая политическая партия изволит предложить реформы в интересах рабочих». Он делал акцент на том, что Великобритании необходима новая социалистическая партия и считал, что НРП заложила достаточно глубокую основу для ее создания⁵⁵.

Тред-юнионы в конце 90-х годов XIX в. стали проявлять заметно большую заинтересованность в независимом рабочем представительстве. Причин тому было несколько. Дело в том, что британские профсоюзы все отчетливее ощущали уязвимость своих позиций. Во-первых, это было связано с тем, что работодатели, вкусившие в минувшие годы «нового юнионизма», стали более бдительны в отстаивании своих интересов. В конце 1890-х годов значительно возросло число предпринимательских ассоциаций как на местном, так и на национальном уровне. Работодатели стремились объединить свои усилия, чтобы противостоять возможному профсоюзному натиску. Всяческое поощрение с их стороны в эти годы получали штрейкбрехерские Ассоциации свободного труда⁵⁶.

Во-вторых, вторая половина 1890-х годов была отмечена судебными гонениями, юридическим наступлением на профсоюзы. Несмотря на известное законодательство 70-х годов XIX в., предоставившее тред-юнионам существенные права, профсоюзы в конце века один за другим проигрывали промышленные конфликты. Более того, с внедрением новых технологий многие рабочие, считавшиеся ранее привилегированной прослойкой, теряли свой прежний статус и становились все более уязвимыми.

Наконец профсоюзы были крайне заинтересованы в том, чтобы парламент, правительство более активно проводили социальные реформы в интересах рабочих. Однако либеральная партия, на которую старые профсоюзные вожди долгое время возлагали надежды, на выборах 1895 г. потерпела сокрушительное поражение, и к власти пришли консерваторы во главе с Р. Солсбери. Помимо всего прочего, тред-юнионы все больше разочаровывались в либеральной партии. Не последнюю роль здесь играло то, что многие местные либеральные ассоциации отказывались поддерживать на выборах представителей рабочих в качестве парламентских кандидатов, предпочитая людей своего круга, представителей буржуазии. В то же время опыт местных муниципальных выборов, где рабочие кандидаты участвовали отдельно от двух главных политических партий (консерваторов и либералов), демонстрировал, что рабочие в принципе могут рассчитывать на гораздо больший успех, нежели они имели на национальном парламентском уровне. Так, например, в середине 90-х годов XIX в. в городских со-

⁵³ *Виноградов В.Н.* У истоков лейбористской партии, с. 255.

⁵⁴ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 57.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 60, 76, 78.

⁵⁶ *Pelling H.* A Short History of the Labour Party. London, 1968, p. 5.

ветах было около 600 рабочих представителей, многие из которых являлись социалистами⁵⁷.

На этом фоне Гарди проявил невероятное упорство и настойчивость в реализации своего замысла. Ему и его соратникам по НРП удалось убедить вначале Шотландский, а затем Британский конгресс тред-юнионов в необходимости более активной политики с целью реализации идеи независимого рабочего представительства. В итоге в 1899 г. на ежегодном конгрессе тред-юнионов в Плимуте была принята знаменитая резолюция в пользу созыва специальной конференции с целью наметить пути и средства избрания большего числа рабочих депутатов в следующий парламент. Формально резолюция была выдвинута железнодорожниками, однако, по свидетельству одного из будущих лейбористских руководителей Ф. Сноудена, на самом деле составлена она была не кем иным как Гарди⁵⁸.

В итоге после переговоров с участием Парламентского комитета БКТ, Независимой рабочей партии, Социал-демократической федерации и фабианцев 27–28 февраля 1900 г. в Лондоне в “Мемориал Холле” собралась вошедшая в историю учредительная конференция будущей лейбористской партии. В действительности объединение на рубеже веков различных в идейном отношении социалистических организаций и профсоюзов в единый организм было задачей далеко непростой. Фабианцы, СДФ, НРП, малочисленные по составу в сравнении с огромной профсоюзной массой были своего рода “мозгом”, идейным центром будущей организации. Тред-юнионы же, не являющиеся на тот момент в массе своей социалистическими, но охватывавшие сотни тысяч рабочих, должны были составить прочный каркас, некое “туловище” зарождавшейся партии. Однако вопрос о том, какие контуры обретет формирующаяся структура, оставался открытым. И роль, которую, в конечном счете, Гарди сыграл в этот период в решении данной проблемы, поистине сложно переоценить. Можно лишь согласиться с мнением К. Моргана: без уникального сочетания в нем харизмы и умения маневрировать в процессе спора подобное объединение едва ли могло быть столь легко достигнуто⁵⁹.

Учитывая, что в масштабах страны социалистические организации охватывали лишь горсть сторонников, а НРП в прошедшие годы не удалось оправдать возлагавшихся на нее надежд, Гарди понимал, что для начала в будущем альянсе социалисты должны быть готовы пойти на значительные уступки в отношении тред-юнионов. Однако уступки эти были оправданы и продуманы. К тому же более молодые и амбициозные соратники Гарди по НРП, которые со временем займут его место на капитанском мостике, такие, например, как Р. Макдональд, также не склонны были ставить открытую социалистическую пропаганду во главу угла зарождавшейся организации⁶⁰.

В целом среди делегатов, собравшихся на учредительную конференцию, существовало три точки зрения относительно того, каким должно быть их новое детище. Первая заключалась в том, что в парламент должны выдвигаться исключительно рабочие. Уязвимость этой позиции состояла в том, что это превращало бы будущую лейбористскую партию в некую профсоюзную группу давления и не более того. Это было “прокрустово ложе”, которое изначально задавало бы очень жесткие ограничительные рамки для деятельности будущего объединения.

Вторая, отстаиваемая главным образом марксистами, представителями СДФ, состояла в том, что зарождающаяся организация должна стоять на позициях классовой борьбы и оказывать поддержку только левым кандидатам, выступающим за социализацию средств производства, распределения и обмена. Однако это в свою очередь превращало бы новую организацию в некую марксистскую партию континентальной модели и сразу же отпугнуло бы от нее как значительную часть тред-юнионов, не

⁵⁷ *Adelman P.* Op. cit., p. 27–28.

⁵⁸ *Snowden P.* An Autobiography, p. 88.

⁵⁹ *Morgan K.O.* Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 101.

⁶⁰ *Marquand D.* Ramsay Macdonald. London, 1977, p. 71–72.

являвшихся социалистическими, так и тех социалистов и интеллигенцию, которым импонировали больше ценности этического, но не марксистского социализма. Это касалось и представителей НРП, и многих фабианцев.

Наконец, существовала и третья точка зрения – возможность избрания в парламент всех кандидатов, готовых отстаивать интересы рабочих и спонсируемых какой-либо из входящих в объединение организаций⁶¹. Именно эта позиция позволяла избежать “прокрустова ложа” исключительно профсоюзной группы давления, с одной стороны, и марксистской воинствующей партии – с другой. Подобная более гибкая трактовка, по мнению целого ряда британских исследователей, имела колоссальное историческое значение и открывала перед рождавшейся лейбористской партией широкую перспективу для поступательного развития⁶². Это была позиция Гарди, и именно эта резолюция в итоге была одобрена на учредительной конференции. Политическое чутье вновь не подвело его. Гарди сумел донести свою идею до учредительной конференции. Несмотря на всю противоречивость и порой необузданность “депутата в кепке”, как писал о Гарди один из его современников, в лейбористских рядах “не было другого человека... способного, когда он в ударе, выступать столь твердо, столь разумно и с таким тактом”⁶³.

В результате 1900 год стал вехой в развитии британской социал-демократии. Созданную организацию решено было назвать Комитетом рабочего представительства (КРП). В дальнейшем, с 1906 г., он был переименован в лейбористскую партию. Интересно также и то, что какой-либо развернутой программы действий ни на учредительной конференции, ни в последующие годы принято не было. Во многом благодаря чрезвычайно общей, не отпугивающей формулировке целей партии, в ее ряды постепенно вступали все новые и новые члены, главным образом образом профсоюзы. Подобной “программофобией” лейбористы “страдали” вплоть до 1918 г.

В качестве политической платформы было провозглашено избрание “самостоятельной лейбористской группы в парламенте, которая должна иметь собственных парламентских организаторов и единодушно следовать политике, включающей в себя готовность, с одной стороны, сотрудничать с любой партией, которую в данный момент можно склонить к поддержке законодательства непосредственно в интересах рабочего класса, с другой – объединить свои усилия с любой партией, противодействующей мерам, имеющим противоположную тенденцию”⁶⁴.

Несмотря на отсутствие социалистических деклараций, несомненным успехом Гарди и НРП можно считать и то, что социалистам удалось при явном численном меньшинстве получить 5 из 12 мест в сформированном Комитете рабочего представительства⁶⁵. Секретарем комитета был избран молодой Р. Макдональд.

КОМИТЕТ РАБОЧЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Тем не менее, реализация на практике идеи независимого рабочего представительства оставалась непростой задачей. Во-первых, в условиях отлаженной двухпартийной системы лейбористам предстояло идти по целине, что всегда сложно. Во-вторых, уже через год представители СДФ вышли из организации, будучи недовольны тем, что комитет отверг их идею классово-борьбы⁶⁶. В-третьих, лишь незначительная часть от общей двухмиллионной профсоюзной массы готова была пока что присоеди-

⁶¹ The Labour Party Foundation Conference and Annual Conference Reports 1900–1905. London, 1967, p. 16–18.

⁶² См., например: *Williams F. Fifty Years' March. The Rise of the Labour Party.* London, 1949, p. 23.

⁶³ Цит. по: *Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist,* p. 103.

⁶⁴ The Labour Party Foundation Conference and Annual Conference Reports 1900–1905, p. 18.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 21–22.

⁶⁶ *Thorpe A. A History of the British Labour Party.* London, 2001, p. 9.

ниться к лейбористам. Учитывая, что членский взнос составлял всего 10 шиллингов с каждой тысячи человек членов, финансовое состояние на первых порах было весьма плачевным⁶⁷.

Через полгода после создания Комитета рабочего представительства, в сентябре 1900 г. в Великобритании состоялись парламентские выборы, на которых из 15 лейбористских кандидатов в палату общин прошли только двое: К. Гарди и профсоюзный функционер Р. Белл. Излишне говорить, что в таких условиях воплотить в жизнь идею независимой рабочей группы в парламенте было практически нереально. Однако знаковым событием было то, что, несмотря на все трудности, в 1900 г. Гарди вновь вернулся под своды Вестминстерского дворца.

Гарди было уже 44 года. На этот раз он баллотировался от Уэльского округа Мертир–Тидвил, известного еще с чартистских времен своими радикальными традициями. К тому же в округе было довольно много пацифистов, и резкая критика Гарди разворачивавшейся в то время англо-бурской войны (1899–1902 гг.) падала на благодатную почву. Решающую же роль в его победе сыграло соперничество в округе двух либеральных кандидатов. С одной стороны то, что судьба на рубеже веков безжалостно забросила шотландца Гарди в центр валлийской политической жизни может показаться парадоксальным. С другой, судя по всему, он не чувствовал в связи с этим какого-либо дискомфорта. Гарди охотно научился петь валлийский национальный гимн и подчеркивал, что НРП по сути своей сродни уэльскому национализму, поскольку настаивает на передаче земли и ее природных ресурсов живущим на ней людям⁶⁸.

Всю свою жизнь Гарди очень много выступал. Он никогда не стремился стать оратором классической парламентской школы. Тем не менее, у него был очевидный дар пропагандиста, и он умел привлечь к себе внимание слушателей. Неоднократно в течение жизни ему приходилось сталкиваться с враждебностью и непониманием аудитории. В таких случаях Гарди сравнивал себя с листком дерева, “бьющемся в вихре, водовороте горного ручья”⁶⁹. Однако у него были и незабываемые моменты триумфа. За короткое время избирательной кампании в Мертир–Тидвил ему, без сомнения, удалось вызвать симпатии у жителей округа. За несколько лет до этого он писал как-то о том, насколько легко люди порой готовы впитывать в себя социалистические идеи, если изложить их простым и понятным языком. У меня осталось в памяти “огромное скопление народа вокруг меня, – описывал Гарди один из митингов в ходе кампании 1900 г. – Время, пространство, индивидуальность – все отошло на задний план. Мы были массой, объединенной взаимной симпатией и плывущей куда-то в космос. В ответ на каждую мою мысль я ощущал биение сердец этих людей”⁷⁰.

Несмотря на метаморфозы судьбы и опыт прожитых лет, в начале XX в. это был все тот же необычный Гарди. После поездки в Америку на нем все чаще можно было увидеть привезенную из Филадельфии весьма странную шляпу. Он по-прежнему обличал монархию. В марте 1901 г. в палате общин Гарди с гневом обрушился на идею выделить 20 тыс. фунтов герцогу и герцогине Йоркской для посещения британских колоний. Помимо этого, той же весной, в апреле, он впервые в истории демонстративно вынес на обсуждение британского парламента предложение о необходимости построения в Англии социализма⁷¹.

Тем не менее, как отмечал К. Морган, в эти годы Гарди все же “больше стремился убеждать, и меньше шокировать”. До февраля 1900 г. основной его миссией была агитация, он “скорее делал подкоп, нежели строил”⁷². Теперь обретшая контуры идея

⁶⁷ *Adelman P.* Op. cit., p. 30.

⁶⁸ *Morgan K.O.* Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 118.

⁶⁹ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 114.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 84, 105.

⁷¹ The Parliamentary Debates, House of Commons, Fourth Series, v. 91, col. 1204; v. 92, col. 1175–1179.

⁷² *Morgan K.O.* Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 121.

независимого рабочего представительства требовала более взвешенной, продуманной и конструктивной политики.

В 1901 г. произошло знаменательное событие, которое толкнуло целый ряд новых профсоюзов в объятия лейбористской организации – а именно решение палаты лордов по делу Таффской долины. Рабочие железнодорожной компании Таффской долины в южном Уэльсе организовали стачку, по окончании которой против их тред-юниона был подан денежный иск в связи с убытками. Несмотря на то, что низшая судебная инстанция этот иск отклонила, палата лордов в итоге решила это дело в пользу предпринимателей. Профсоюз был приговорен к уплате штрафа в размере более 20 тыс. фунтов⁷³. О несправедливости этого решения Гарди говорил на ежегодной лейбористской конференции 1902 г. Прогремевший на всю страну судебный прецедент встревожил очень многие тред-юнионы, осознавшие насущную необходимость усиления своего присутствия в парламенте. Пульс Комитета рабочего представительства забился более отчетливо, стало расти членство.

Однако вопрос о том, как увеличить количество депутатов от КРП в палате общин оставался открытым. В Великобритании была устоявшаяся, богатая традициями двухпартийная система и место для третьего участника зарезервировано не было. Тем не менее, в стране существовали относительно бедные избирательные округа, где в принципе рабочий кандидат мог рассчитывать на поддержку. Руководство КРП, прежде всего в лице его молодого и энергичного секретаря Р. Макдональда, понимало, что в этой ситуации необходимо маневрировать и искать какие-то лазейки.

В результате в январе 1903 г. начались тайные, нигде не афишированные переговоры между Макдональдом, с одной стороны, и Гладстоном, главным парламентским организатором либеральной партии, – с другой. Суть их состояла в том, чтобы попытаться избежать противостояния на выборах в одном и том же избирательном округе кандидата-либерала и кандидата-лейбориста. Скрытый характер переговоров был не случаен. Учитывая, что КРП изначально делал акцент на своей независимости, было нетрудно предугадать, что в лейбористских рядах подобные маневры могли быть восприняты без всякого энтузиазма. В принципе это соглашение было выгодно обеим сторонам. В условиях мажоритарной избирательной системы даже в относительно левых округах раскол голосов между либеральным и лейбористским соперниками неизбежно открывал дорогу консервативной партии. В итоге в августе 1903 г. соглашения было достигнуто. Либералы согласны были отдать на откуп КРП примерно три десятка округов. Одновременно предполагалось, что лейбористы, хотя и сохранят свою самостоятельность в парламенте, в благодарность будут поддерживать будущее либеральное правительство⁷⁴.

Оценивать это соглашение можно по-разному. Либералы в ту пору не предполагали, что договорились с партией, которая со временем окажется их “могильщиком”. Лейбористы со своей стороны проявили прагматизм, однако высокий пьедестал независимого рабочего представительства слегка покачнулся. Важно то, что Гарди был практически единственным, наряду с Макдональдом, кто прекрасно знал об этих переговорах. Как писал Я. Маклин, ему “достаточно было только обнародовать сам факт соглашения, и все было бы потеряно”⁷⁵. Бунтарь и романтик Гарди в очередной раз уступал место Гарди – прагматику.

В январе 1906 г. КРП вплотную подошел к своему второму испытанию – очередным всеобщим выборам. В рамках избирательной кампании Гарди в качестве главной лейбористской “ударной силы” предпринял масштабное пропагандистское турне по стране, объехав множество городов. Сам он, как и в прошлый раз, баллотировался

⁷³ *Clegg H.A., Fox A., Thompson A.F. A History of British Trade Unions since 1889. v. I. 1889–1910. Oxford, 1964, p. 315.*

⁷⁴ *Adelman P. Op. cit., p. 34.*

⁷⁵ *McLean I. Op. cit., p. 101.* Любопытно, что зять Гарди Э. Хьюз в своей работе обходит молчанием эти переговоры.

от уэльского округа Мертир–Тидвил. Его избирательная платформа включала в себя отмену палаты лордов, право голоса для женщин, пенсии по старости, сокращение расходов на вооружение, гомруль для Ирландии, а также коллективистский лозунг передачи в общественную собственность ключевых отраслей промышленности.

Выборы 1906 г. ознаменовались успехом для КРП. Лейбористы выдвинули 50 кандидатов, и 29 из них, включая Гарди, прошли в парламент. Характерно, что примерно в 30 округах из 50 лейбористы получили “зеленый свет” благодаря соглашению с либералами. В Уэльсе и Шотландии соглашение практически не действовало. Наиболее же удачно замысел был реализован в Ланкашире⁷⁶.

Итак, в 1906 г. впервые в английской истории в парламент пришла целая группа независимых рабочих депутатов. Это было то самое первое поколение лейбористов, многие из которых со временем станут известны на всю страну. Среди них особенно выделялись более молодые соратники Гарди – Р. Макдональд, финансовый эксперт Ф. Сноуден и будущий великолепный администратор А. Гендерсон. Когда в феврале 1906 г. собрался новый парламент, члены КРП разместились на скамьях со стороны оппозиции. Первым в истории лидером парламентской фракции с перевесом всего в один голос был избран Гарди. Его заместителем назначили Д. Шеклтона, Р. Макдональд остался секретарем, а главным парламентским организатором (“кнутом”) стал А. Гендерсон. Еженедельник “Лейбор лидер” писал о Гарди в связи с избранием: “Он олицетворяет собой не только дух и цель, но также веру и тяжелый труд, которые создали и поддерживают новое движение”⁷⁷. Тогда же, Комитет рабочего представительства получил современное, сохраняющееся и поныне название – лейбористская партия. В благодарственном письме Гарди выразил надежду, что оправдает оказанное ему доверие и отметил, что отныне на британской земле появилась новая партия – политическая сила, представляющая интересы простых людей⁷⁸. Любопытно и то, что 18 человек, пришедших в тот год в парламент в составе лейбористской группы, были социалистами⁷⁹. Казалось до реализации давней мечты иметь в палате общин настоящих рабочих представителей, бескомпромиссно отстаивающих интересы своих избирателей, было рукой подать. С 1906 г. открывалась новая страница истории лейбористской партии.

ЛИДЕР ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ

Однако вопрос о том, смогут ли 29 человек в парламенте во главе с Гарди повлиять на ход парламентских заседаний оставался открытым. Первый год оказался, пожалуй, наиболее удачным для лейбористов. На их счет можно было записать несколько достижений. Во-первых, в 1906 г. был принят закон о трудовых конфликтах. После дела Таффской долины он ограждал профсоюзы от судебных исков за ущерб, нанесенный предпринимателям в ходе забастовок. О необходимости решения этой проблемы Гарди говорил в парламенте в первые дни заседаний. Изначально законопроект выдвинули либералы, однако их предложения были более умеренными. В итоге лейбористской партии удалось провести через парламент свой вариант закона. Во-вторых, лейбористы активно поддерживали в палате общин и даже сумели дополнить еще ряд актов, среди них важнейших для профсоюзов закон 1906 г. о компенсациях. Действительно в первый год складывалось ощущение, что недавно созданная партия не зря представлена в Вестминстерском дворце.

Однако далее все отчетливее на первый план начали выступать проблемы. Причин тому было несколько. Несмотря на относительные успехи лейбористов, в целом эти годы были “звездным часом” либеральной партии. Великобритания давно ждала

⁷⁶ *Thorpe A. Op. cit., p. 14; Adelman P. Op. cit., p. 36.*

⁷⁷ *Labour Leader, 1906, v. 2, № 46, p. 558, 556.*

⁷⁸ *Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 123.*

⁷⁹ *Adelman P. Op. cit., p. 38.*

социальных изменений. Либералы многое обещали на выборах 1906 г. Пришедшее к власти молодое поколение так называемых “новых либералов”, среди которых наиболее яркой фигурой был Д. Ллойд Джордж, прекрасно понимало, что старый классический либерализм с его нежеланием решать социальные проблемы на государственном уровне давно себя изжил. Наступала великая эра либеральных социальных реформ (1906–1911 гг.). На фоне беспрецедентного либерального реформаторства последующих лет лейбористы неизбежно будут смотреться очень бледно. Как справедливо писала в воспоминаниях известная представительница Фабианского общества Б. Вебб, Ллойд Джордж буквально “переиграл лейбористскую партию”⁸⁰.

Вторая проблема таилась в недрах собственно самой лейбористской организации. В парламент впервые пришла целая группа людей не очень искушенных в политике, за редким исключением не одаренная особым ораторским мастерством. Многие из бесконечно обсуждаемых в палате общин вопросов были ей просто неинтересны. Лейбористы в них не разбирались и в результате под разными предложениями систематически прогуливали заседания, что было недопустимо, учитывая, что партия намерена была утвердить свое влияние в парламенте⁸¹. На этом фоне лейбористское руководство, прежде всего в лице самого Гарди, не подавало этой группе должного примера. Как отмечал британский историк Ф. Уильямс, Гарди относился к категории людей агитаторов, пропагандистов. Но он не обладал деловыми качествами настоящего парламентского лидера⁸². Ф. Сноуден писал позднее, что Гарди был скорее проповедником, живущим с ощущением возложенной на него миссии, но не политиком⁸³. В любом случае эта бесконечная парламентская рутина была совершенно не его стихией. Гарди сам это прекрасно понимал. Уже скоро, выступая на огромном митинге в “Альберт – Холле” весной 1908 г., он откровенно скажет, что никогда не изобразил из себя лидера. “Я – агитатор. Моя работа состоит в том, чтобы возбуждать священное недовольство несправедливостью”⁸⁴. Несколько лет спустя он признается: природа не создала меня для того, чтобы я занимал какой-то официальный пост, я показал, что могу быть пионером⁸⁵. В этом плане более молодой Макдональд, умевший уже в те годы найти общий язык с парламентариями различных политических взглядов, совершенно свободно чувствовал себя в этой среде, являлся разительным контрастом.

Одновременно лейбористский лидер с головой ушел в проблемы суфражизма. Требования предоставления женщинам права голоса уже давно фигурировали в избирательных программах и работах Гарди⁸⁶. К тому же его личный секретарь М.Т. Саймонс, а также близкая знакомая С. Пэнкхерст были воинствующими суфражистками.

Если Гарди захватывала какая-то идея, он полностью ей отдавался. Движение суфражизма в эту пору вылилось ярким тому подтверждением. Однако в самой лейбористской партии это увлечение лидера в ущерб парламентской деятельности было воспринято без всякого энтузиазма. Как говорили некоторые скептики, феминизм Гарди заслонил собой социализм⁸⁷. Казалось, что он, будучи лидером партии, попусту растрчивает свои силы и время.

В результате в 1908 г. на посту лидера его заменил А. Гендерсон, в 1910 г. на смену ему пришел профсоюзный функционер Дж. Барнс, а в 1911 г. партию возглавил

⁸⁰ *Webb B. Diaries 1912–1924. London, 1952, p. 8.*

⁸¹ О прогулах говорилось даже на страницах лейбористской прессы. См., например, статью А. Гендерсона: *Labour Leader, 1906, v. 3, № 13, p. 201.*

⁸² *Williams F. Op. cit., p. 168.*

⁸³ *Snowden P. An Autobiography, p. 314–315.*

⁸⁴ *Labour Leader, 1908, v. 5, № 15, p. 235.*

⁸⁵ *Independent Labour Party. Report of the Coming-of-Age Conference. London, 1914, p. 131.*

⁸⁶ См., например: *Hardie J.K. The Citizenship of Women. A Plea for Women's Suffrage. London, 1906.*

⁸⁷ *Morgan K.O. Labour People, Leaders and Lieutenants, Hardie to Kinnock, p. 31.*

Р. Макдональд, которому со временем суждено будет стать первым лейбористским премьер-министром в 1920-е годы. Гарди освободился от этого бремени без особого сожаления и впоследствии, за исключением членства в исполкоме НРП, больше не занимал никаких официальных постов.

Отношения Гарди с Независимой рабочей партией в этот период также оказались омрачены весьма неприятным эпизодом. Еще в 1907 г. в результате дополнительных выборов в Колн – Вэлли в парламент был избран молодой независимый, как он сам себя называл “лейбористский и социалистический” кандидат В. Грейсон⁸⁸, который утверждал, что является единственным настоящим социалистом в этих стенах. Абсолютно беспомощный как парламентарий, он тем не менее оказался на тот момент своего рода символом недовольства скудными лейбористскими успехами тех лет и привлек к себе немало симпатий. Кульминацией событий стал его отказ осенью 1908 г. выступать вместе с Гарди на митинге в Холборн – Холле, и последнего попросили уступить трибуну.

В. Грейсон все же был исключен из списка официальных ораторов от Независимой рабочей партии. Однако ежегодная конференция НРП 1909 г. проявила к нему милосердие. Большинство голосов критические замечания в его адрес были изъяты из ежегодного отчета Национального административного совета (НАС) НРП⁸⁹. В результате Гарди, его ближайший друг Б. Глазье, а также Ф. Сноуден и Р. Макдональд в знак протеста вышли из НАС. Звезда В. Грейсона закатилась столь же быстро, сколь и зажглась. Однако неприятный осадок после всех этих событий остался, и несколько последующих лет Гарди не участвовал в работе НАС НРП.

Возвращаясь к вопросу о лидерстве, с одной стороны, Гарди при всех его достоинствах в самом деле не создан был для роли ответственного руководителя, взвешивающего и просчитывающего каждый свой шаг. С другой стороны, не следует забывать о том, насколько сложно в эти годы было руководить молодой лейбористской партией. Прогул парламентских заседаний, вызов со стороны Грейсона были свидетельством более глубокой проблемы. Пока что это соединение социалистов и профсоюзной массы на фоне беспрецедентного либерального “реформаторского пыла” не могло нащупать своей идентичности, внутреннего стержня. Лейбористы в те годы часто выглядели всего лишь “охвостьем” либеральной партии.

К этому следует добавить, что в 1909 г. либерально настроенные члены парламента от федерации горняков перешли на сторону лейбористской партии. Это существенно расширило лейбористскую фракцию в палате общин, однако добавило еще больше либеральной краски в лейбористские ряды, чем, по мнению ряда исследователей, осложнило поиск партией своего яркого самобытного лица.

Наконец еще одна проблема, которая неблагоприятно сказалась на положении лейбористов в те годы, была связана с так называемым решением палаты лордов по делу Осборна 1909 г. Согласно ему, тред-юнионам было запрещено использовать свои финансовые средства для поддержки политических партий. Несмотря на то, что ряд входивших в лейбористскую партию профсоюзов рискнул проигнорировать это решение, события 1909 г. явились прямым ударом по финансовым интересам лейбористской партии⁹⁰.

Тем не менее, как писал К. Морган, несмотря на очевидные трудности и уход Гарди с поста лидера, он по-прежнему “придавал партии идеологический импульс”, что имело гораздо более важное и долговременное воздействие, нежели скучные детали сиюминутного руководства и парламентской процедуры⁹¹. Одним из главных досто-

⁸⁸ *Милибэнд Р.* Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964, с. 45.

⁸⁹ Report of the Seventeenth Annual Conference of the Independent Labour Party. London, 1909, p. 15, 61–63.

⁹⁰ Это решение было официально отменено лишь в 1913 г.

⁹¹ *Morgan K.O.* Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 176.

инств Гарди на фоне общей партийной массы тех лет, без всякого сомнения, была широта взглядов. Характерно, что на протяжении жизни его волновали не только вопросы безработицы, уровня жизни рабочих, их социальной защищенности, но и проблемы более широкого плана, созвучные настроениям не социалистической, но, что также важно, радикальной британской интеллигенции. Это могли быть идеи суфражизма, антиимпериализма, борьбы за мир, интересы населения колониальных стран.

С одной стороны могло показаться, что это было признаком слабости Гарди, не способного порой правильно определить приоритеты своей деятельности. С другой, с точки зрения, например, К. Моргана, в долгосрочной перспективе именно эта способность совместить радикальные идеи конца XIX в. с социал-демократическими требованиями явилась главным вкладом Гарди в успех лейбористской партии. Именно это в значительной степени позволило лейбористам в дальнейшем найти общий язык с яркими представителями британской интеллигенции на левом фланге той же либеральной партии и интегрировать их в свои ряды. Нельзя не признать, что в противном случае, оставаясь исключительно в рамках профсоюзного менталитета, лейбористская партия никогда не смогла бы стать той силой, в которую она превратилась на протяжении XX в. Предвоенные годы явились наглядным подтверждением того, насколько Гарди был разносторонен в своих интересах.

«ЧЕЛОВЕК МИРА»

Следует подчеркнуть, что, наряду с активной деятельностью внутри Великобритании, Гарди являлся одной из значимых фигур в рамках II Интернационала. Он участвовал в работе Лондонского конгресса 1896 г., Амстердамского 1904 г., Копенгагенского 1910 г. и Базельского 1912 г. В эти годы на фоне набирающего обороты европейского военного противоборства, роста производства вооружений Гарди отстаивал свою позицию убежденного антиимпериалиста. Причем взгляды его в этом плане отличались известным радикализмом. Вместе с французским социалистом Эд. Вайяном Гарди активно пропагандировал идею всеобщей стачки как крайнего средства борьбы с военной угрозой⁹².

Характерно и то, что, пожалуй, как никто другой из своих соратников, Гарди много путешествовал и поддерживал тесные международные контакты с социалистами континентальной Европы. В этом плане его без преувеличения можно было назвать «человеком мира». Богатый опыт немецкой социал-демократии Гарди считал весьма поучительным, неоднократно обращал внимание на исключительную тщательность и скрупулезность в обсуждении и принятии решений, свойственную немцам. С большой симпатией он отзывался об Августе Бебеле. С другой стороны, Гарди находил немецких социалистов порой слишком догматичными и весьма скептически относился к извечному противостоянию в их рядах, как он сам писал, радикализма и ревизионизма⁹³. Гарди вообще был терпим к наличию разнообразных точек зрения при условии, что всех их объединяла приверженность общему делу.

Что касается французской социал-демократии, то Гарди внимательно наблюдал за социалистами в парламенте, за деятельностью французских профсоюзов. Был хорошо знаком с Ж. Жоресом. Однако синдикалистские идеи, получившие перед войной во Франции распространение, не вызывали у него ни малейшего сочувствия. «По сути, – писал он, – синдикализм не что иное, как возрождение анархизма»⁹⁴.

В Италии Гарди восхищалось разнообразие ежедневной социалистической и рабочей прессы. Однако его тревожило явное преобладание среди социалистов представителей

⁹² Cole G.D.H. A History of Socialist Thought, v. III. P. I. The Second International 1889–1914. London, 1956, p. 83.

⁹³ Labour Leader, 1910, v. 7, № 41, p. 649; № 42, p. 665.

⁹⁴ Socialist Review, 1912, v. 9, № 50, p. 112.

среднего класса и их некая оторванность от массового рабочего движения⁹⁵ – то, что он настойчиво стремился преодолеть у себя на родине.

Гарди неоднократно приходилось бывать в Америке. Первый раз в 1895 г. (тогда и была привезена еще одна необычная шляпа), а затем еще дважды, в 1908 и 1912 г. Делясь с читателями “Лейбор лидер” своими впечатлениями от этой страны, он подчеркивал, что американские рабочие, как нигде, являют собой целую смесь национальностей, языков и традиций⁹⁶. Гарди встречался с Ю. Дебсом, одним из организаторов Социалистической партии Америки, и не скрывал своих симпатий по отношению к нему. Он следил за деятельностью С. Гомпера, председателя Американской федерации труда. Однако Гарди отлично понимал, сколь велика была в США пропасть между социалистическими идеями и профсоюзным движением, пропасть, которая в Великобритании будет постепенно преодолеваться по мере того, как лейбористская партия станет набирать силу и политический вес.

Немалый интерес Гарди проявлял к британским доминионам и колониальной проблематике. Еще в 1907–1908 гг., во время своего мирового путешествия, частично финансируемого Армией спасения, он посетил Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Китай, Японию, Индию и Южную Африку. Гарди не без оснований считал, что Индия во многом являлась камнем преткновения в более широкой дискуссии относительно колониального самоуправления вообще. Проблемы бедственного положения индийцев, высокой смертности среди них, повсеместной нищеты он неоднократно поднимал в стенах палаты общин. В этой связи двухмесячный визит Гарди в Индию носил весьма скандальный оттенок и широко освещался на страницах печати.

Паника в прессе была не случайна. Согласно ее отчетам, Индия, по мнению Гарди, была уже в полной мере готова к самоуправлению. Более того, он открыто заявил, что народ Индии предоставлен на милость самой продажной полиции в мире. В конечном счете, это закончилось тем, что Гарди обвинили в подстрекательстве бенгальских террористов, а совпавший по времени бунт в Калькутте сочли практически делом его рук. Хотя “герой событий” впоследствии отрицал, что призывал к немедленному самоуправлению Индии, в Англии стали даже раздаваться призывы к срочной высылке Гарди из страны во избежание еще больших неприятностей⁹⁷. Как справедливо отмечал биограф Гарди Я. Маклин, уже сама “идея, что Индия может постепенно стать самоуправляемым доминионом, была революционна для 1907 г.”⁹⁸.

Любопытно, что индийцы на этом фоне горячо приветствовали Гарди. Часто принято считать, что первый лидер британских лейбористов не обладал чувством юмора. Однако в письме своему другу Б. Глазье он не без иронии писал: “Похоже на то, что в некоторых местах мне уже поклоняются, меня дважды украшали цветами, позаимствованными из храмов, этой чести удостоиваются только святые... в двух голодающих районах после моего визита пошел дождь”⁹⁹.

В 1909 г. на основе более ранних статей, опубликованных в “Лейбор лидер”, Гарди издал книгу, посвященную этой стране. На самом деле, конкретные реформы, выдвигаемые им в отношении Индии, были не столь уж “опасны”. Он предлагал улучшить систему образования в Индии, привлекать больше индусов к гражданской службе, в особенности к высшим должностям, расширить власть сельских советов на местах. Гарди считал, что местному населению вполне можно было доверять в решении локальных вопросов¹⁰⁰. Однако он не настаивал на немедленном освобождении Индии, выступая лишь за постепенный переход к самоуправлению.

⁹⁵ Labour Leader, 1906, v. 3, № 22, p. 345; № 23, p. 361.

⁹⁶ Labour Leader, 1908, v. 5, № 41, p. 644.

⁹⁷ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 192.

⁹⁸ Mclean I. Op. cit., p. 130.

⁹⁹ Цит. по: Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 193.

¹⁰⁰ Hardie J.K. India. London, 1909, p. 108–110, 118–119, 120–121.

Интересно, что в том же 1909 г. Р. Макдональд по стопам своего старшего коллеги также посетил Индию и вскоре издал книгу “Пробуждение Индии”¹⁰¹. В сущности можно сказать, что все это еще до Первой мировой войны закладывало основу будущей лейбористской колониальной политики. Гарди и здесь в очередной раз выступил пионером в период, когда основная масса лейбористских сторонников не проявляла еще серьезного интереса к проблемам империи. Символично в этой связи и то, что именно лейбористы во главе с К. Эттли, будучи у власти, в 1947 г. предоставили Индии независимость.

В предвоенные годы Кейр Гарди не мог оставаться безучастным и к тому, что происходило в его собственной стране, к судьбе своего главного детища – лейбористской партии. С приближением Первой мировой войны лейбористы по-прежнему с трудом преодолевали те трудности, о которых говорилось выше. Заметной положительной динамики не наблюдалось. В 1910 г. им два раза пришлось пройти через всеобщие парламентские выборы, в январе и в декабре. Это было связано с тем, что либералы намерены были реформировать палату лордов, чинившую препятствия их законодательству и отвергнувшую знаменитый бюджет министра финансов Д.Ллойд Джорджа 1909 г., предусматривавший значительные социальные расходы. В результате январских выборов лейбористы оказались в парламенте в количестве 40 человек, что не являлось каким-либо существенным достижением в сравнении с предшествующим периодом. К тому же примерно половина новой фракции (17 человек) были представителями той самой федерации шахтеров, совсем недавно перешедшей на сторону лейборизма и несшей на себе еще явный отпечаток либеральных взглядов. В декабре лейбористская парламентская группа увеличилась до 42 человек¹⁰². Сам Гарди оба раза в 1910 г. успешно баллотировался от своего ставшего уже традиционным валлийского округа Мертир–Тидвил.

Либеральная партия, тем не менее, в очередной раз одержав победу в 1910 г., не имела на этот раз такого подавляющего парламентского большинства, как в 1906 г. Судьба ее администрации зависела теперь от голосов ирландских националистов и лейбористской фракции. По идее можно было предположить, что лейбористам в связи с этим удастся обрести какой-то новый политический вес, но этого не случилось. Во-первых, лейбористский историк Ф. Уильямс справедливо сравнивал ситуацию в партии в этот период с позицией узника, который не может отважиться бежать из тюрьмы, поскольку за ее стенами его подстерегают еще большие опасности¹⁰³. Дело в том, что две избирательные кампании подряд изрядно истощили казну лейбористов. Тем самым партия оказалась зависима от либералов, от стабильности их правительства, еще больше, нежели раньше. Все, что лейбористам оставалось делать, это послушно голосовать за либеральные законопроекты, чтобы правительство не рухнуло. Обрести в этих условиях какой-то новый яркий самобытный облик было непросто.

Во-вторых, необходимо отметить, что страна в этот период во многом вообще жила проблемами, традиционно не являвшимися ключевыми в лейбористской пропаганде. Например, вопрос самоуправления Ирландии, реформа палаты лордов. И даже в отношении близкой лейбористам социальной проблематики инициатива по-прежнему была в руках либералов. Пожалуй, можно сказать, что час британской социал-демократии еще не наступил.

Гарди не могли не волновать все эти вопросы. На ежегодной конференции НРП в марте 1910 г. его выступление было весьма левым. Он стремился напомнить делегатам, что либерализм и лейборизм – это совершенно разные по характеру движения, что его коллегам необходимо придерживаться более активной боевой линии поведения. С горечью Гарди говорил: “В настоящее время с лейбористской партией практически перестали считаться, пресса ее игнорирует”. Не нужно забывать, подчеркивал он, что

¹⁰¹ *Macdonald R. The Awakening of India. London, 1910.*

¹⁰² *Report of the Eleventh Annual Conference of the Labour Party. London, 1911, p. 3.*

¹⁰³ *Williams F. Op. cit., p. 186.*

главная цель лейбористов “не в том, чтобы поддерживать у власти правительства или отказывать им в доверии, а организовывать рабочий класс в великую независимую политическую силу для борьбы за социализм”¹⁰⁴. Однако, как писал биограф тогдашнего лидера лейбористской партии Р. Макдональда Д. Маркуанд, для его героя стремление поддерживать в тот момент у власти либеральное правительство и бороться в конечном счете за социализм, не противоречили друг другу¹⁰⁵. В сущности лейбористское руководство в те годы больше думало о тактике, нежели о левой социалистической стратегии. Британский историк Дж. Коул подчеркивает, что Гарди, очевидно, был несчастен в этот предвоенный период и не чувствовал удовлетворения. Ему приходилось разрываться между необходимостью быть лояльным по отношению к партии, которую он создал, и ощущением чрезмерного подобострастия своих лейбористских коллег перед либеральным кабинетом¹⁰⁶. Впрочем, справедливости ради, нужно сказать, что осторожность лейбористов в эти годы во многом действительно была вынужденной, диктовалась объективными обстоятельствами и едва ли более жесткая левая позиция принесла бы в тот момент какие-либо дополнительные дивиденды.

Тем временем Гарди становился все старше, а созданная им партия постепенно развивалась. Строго говоря, в последние годы его жизни, наряду с явными проблемами, нельзя было не заметить и очевидных факторов, которые в дальнейшем создали плацдарм для лейбористского стремительного послевоенного взлета. Это резкая активизация в 1911–1914 гг. массового рабочего движения и рост профсоюзов. В английской литературе данный период получил название “беспокойные годы”. Англия испытывала заметные экономические трудности, менялась структура производства. Либеральное социальное законодательство не могло сгладить назревавших противоречий. Результатом был огромный рост забастовочного движения в последние предвоенные годы. Профсоюзное же членство на этом беспокойном фоне в 1913 г. достигло 2 682 тыс. человек¹⁰⁷. Учитывая, что со временем практически все тред-юнионы станут на сторону лейбористской партии, это был некий задел на будущее, который в тот момент, возможно, был не столь очевиден, но в конечном счете чрезвычайно значим.

Помимо этого необходимо отметить в эти годы и рост членства в самой лейбористской партии. Ею фактически руководили уже другие люди, более молодые соратники Гарди – Р. Макдональд, А. Гендерсон, Ф. Сноуден. Это было поколение весьма осторожных, взвешенных, не экстравагантных, в отличие от Гарди, политиков, не склонных экспериментировать и твердо нацеленных на то, чтобы максимально полно интегрировать лейборизм в британскую партийно-политическую систему. Именно они в дальнейшем дважды приведут лейбористскую партию к власти в 1920-е годы, однако яркого реформаторского следа в истории Англии эти правительства не оставляют. Лишь начиная с 1945 г. страна в полной мере почувствует на себе реформаторский потенциал созданной Гарди в начале века и к тому времени одной из сильнейших в Европе социал-демократических партий.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Что касается самого Гарди, то самый страшный и последний удар судьбы для него было уготован извне и связан был с наступлением Первой мировой войны. Для Гарди это, без преувеличения, явилось настоящей трагедией. Он был убежденным пацифистом и не принимал войну как явление. В предшествующие годы Гарди весьма активно выступал против военной истерии. Непосредственно перед вступлением Англии в войну 2 августа 1914 г. на Трафальгарской площади состоялся колоссальный

¹⁰⁴ Report of the Eighteenth Annual Conference of the Independent Labour Party. London, 1910, p. 58–59.

¹⁰⁵ *Marquand D.* Op. cit., p. 127.

¹⁰⁶ *Cole G.D.H.* James Keir Hardie, p. 30.

¹⁰⁷ *Adelman P.* Op. cit., p. 44.

митинг протеста на котором присутствовали ведущие британские социалисты – Гарди, Гендерсон, Лэнсбери. “В чем причина этой войны? – восклицал Гарди, выступая на нем. Нам говорят, что международные договоры вынуждают нас в нее вступить. Но кто заключал эти договоры? Простые люди не имеют к ним никакого отношения... Мы ведь не защищаем наши берега, поскольку их никто не атакует. Мы не отстаиваем нашу свободу, поскольку ей ничто не угрожает”¹⁰⁸.

В принципе подобная жесткая антивоенная позиция была в русле решений II Интернационала, куда лейбористы входили с 1907 г. Однако в действительности, с началом военных действий, события развернулись в совершенно ином направлении. Практически все социалистические партии, участвовавшие во II Интернационале и представленные в парламентах воюющих стран, встали на сторону своих правительств, начали голосовать за военные кредиты и оказывать иную поддержку. Аналогичные настроения возобладали и в Англии.

На этом фоне Гарди со своими убеждениями неизбежно оказался в явном меньшинстве. Хотя еще целый ряд таких ключевых партийных фигур, как Р. Макдональд (ушедший в связи с этим с поста лидера), Ф. Сноуден, отказались поддержать провоенную позицию, основная рабочая, профсоюзная масса во главе с А. Гендерсоном была охвачена совсем другими настроениями.

В первые дни Гарди пытался вести антивоенную агитацию в своем собственном округе в Уэльсе. Но его митинг был сорван криками разъяренной толпы. “Теперь я понимаю страдания Христа в Гефсиманском саду”, – сказал он после этого своему другу¹⁰⁹. Дж. Клайнс, профсоюзный функционер, один из более молодых соратников Гарди, отмечал в своих воспоминаниях, что Гарди в этот период был без преувеличения сломен войной¹¹⁰. Состояние его и без того слабого здоровья ухудшалось буквально на глазах. 26 сентября 1915 г. в возрасте 59 лет он скончался.

В конечном счете, экстравагантность поведения едва ли самое главное, на что имеет смысл обратить внимание, оценивая спустя почти 100 лет деятельность первого лейбористского лидера. Один из многочисленных биографов Гарди Я. Маклин, пытаясь в конце книги разгадать загадку своего героя, писал, что, возможно, он не был величайшим пропагандистом социалистической идеи, в лейбористской партии были ораторы гораздо более одаренные; возможно, он не был лучшим журналистом своего поколения, были и другие яркие фигуры. Очевидно, что Гарди не был безупречным администратором. Но он, по словам Маклина, обладал невероятной стойкостью и силой характера. “Если он был убежден в своей правоте, ничто не могло сбить его с пути. Он был способен не обращать внимание на неудачи и насмешки, которые остановили бы любого”, более того, “если бы он не сделал первый шаг, ничего бы не было”¹¹¹. Гадать задним числом, занятие весьма неблагодарное. Однако Гарди действительно оказался тем человеком, который сделал этот самый, пожалуй, сложный шаг в истории создания независимого рабочего представительства. Не случайно его ближайший друг Б. Глазье в свое время сказал о Гарди, что он был наделен непоколебимой стойкостью и упорством больше, чем любой другой политический лидер той эпохи¹¹².

* * *

Спустя почти век после его смерти можно утверждать, что Гарди был разносторонним человеком, увлекающимся и порой противоречивым, профсоюзным активистом на заре своей карьеры, незаурядным журналистом, стоявшим у истоков создания ряда

¹⁰⁸ Keir Hardie's Speeches and Writings, p. 174–175.

¹⁰⁹ Morgan K.O. Keir Hardie, Radical and Socialist, p. 266.

¹¹⁰ Clynes J. Memoirs 1869–1924. London, 1937, p. 25.

¹¹¹ Maclean I. Op. cit., p. 168–170. См. аналогичные комментарии другого его биографа: Fyfe H. Op. cit., p. 40–41.

¹¹² Report of the Eighth Annual Conference of the Independent Labour Party. London, 1900, p. 26.

национальных изданий, вдохновителем рождения нескольких политических партий, одна из которых оставит ярчайший след в британской политической истории XX в. Он был “человеком мира”, видевшим миссию лейборизма гораздо шире, нежели просто в удовлетворении экономических потребностей рабочего класса, равнодушным к проблемам империи, международной политики, интернационализма.

К тому же деятельность Гарди и его наследие оказали влияние на последующие поколения не меньше, чем на современников. С полным правом можно сказать, что именно он, несмотря на все трудности, связанные со становлением лейбористской партии в первые годы ее существования, сумел нащупать магистральный для нее путь развития, отделяющий новое политическое движение как от старых рабочих парламентариев либеральной школы, так и от горячих, но непрактичных сторонников “прямого действия”.

Одновременно именно Гарди придал лейбористской партии столь необходимую ей гибкость. Он сумел заложить основу союза тред-юнионов и социалистов, ставшего со временем неразрывной, жизнеспособной, эффективной структурой. Приходится признать, что Гарди не был силен в разработке деталей экономической программы построения нового общества. Тем не менее, важно и весьма ценно то, что он не позволил лейбористам при рождении замкнуться на жесткой идеологической догме, способной отпугнуть от них как миллионы профсоюзных сторонников, которые уже скоро встанут под лейбористские знамена и составят прочнейших “хребет”, так и радикальную интеллигенцию Великобритании.

Более того, интересно, что не кто иной как Гарди, в сущности, еще в XIX в. продемонстрировал всей стране, что парламент может быть ареной для острого обсуждения болезненных социальных вопросов. Будущее покажет, что по мере расширения электората за счет наименее благополучных слоев общества после Первой мировой войны именно проблемы безработицы, социальной защиты населения постепенно будут ставиться в центр политической борьбы XX в. всеми политическими партиями, желающими завоевать доверие возросшего многомиллионного массового избирателя.

Как показала история, Гарди создал партию, но оказался в конечном счете непригоден на роль ее лидера. “Отцу-основателю” хватило мудрости и такта самому это понять. Более того, как бы цинично это ни звучало, Гарди, возможно, вовремя ушел из жизни в годы войны. Без всяких сомнений можно утверждать, что он был фигурой прежде всего протестующей. В этом была определенная сила, но в этом была, пожалуй, и величайшая слабость Гарди. Он не годился для решения тех задач, которые встали перед лейбористской партией после окончания Первой мировой войны. 20-е годы XX в. оказались свидетелем захватывающего процесса трансформации британской двухпартийной системы. При неизменно прочных позициях консерваторов, место второй партии в стране вскоре заняли лейбористы. Их стремительное усиление на фоне слабых либералов в первое послевоенное десятилетие позволило приемникам Гарди (Макдональду, Сноудену, Гендерсону) дважды уже в эти годы сформировать собственные правительства¹¹³. Лейбористская партия начнет на глазах превращаться из “партии протеста” в “партию власти”. Это будет сложный в идейном и тактическом отношении процесс, болезненный в особенности для левого лейбористского крыла.

Однако представить Гарди в качестве идейного вдохновителя и проводника подобной трансформации едва ли возможно. “Я часто задавал себе вопрос, – писал Ф. Сноуден в 1930-е годы, – что бы он сделал, если бы дожил до того времени, когда смог бы стать министром”¹¹⁴. Зять Гарди Э. Хьюз вспоминал позднее характерный разговор между двумя старыми друзьями шахтерами, произошедший в 1924 г., в день, когда

¹¹³ Первый и второй лейбористские кабинеты Макдональда будут созданы соответственно в 1924 и 1929 гг.

¹¹⁴ *Snowden P. An Autobiography*, p. 317.

первый лейбористский премьер-министр Р. Макдональд должен был отправиться на прием к королю в Букингемский дворец:

– Как бы поступил сейчас Гарди, если бы был лидером? – спросил один.

– Он бы послал за королем, – ответил другой¹¹⁵.

Спустя годы Кейр Гарди по-прежнему остается символом протеста, своего рода “бунтовщиком”, смелым и бескомпромиссным. Хотя при необходимости он умел проявлять прагматизм, но при всем богатстве воображения, его нереально было бы в эти годы поставить на место руководителя партии. Это будет “звездный час” других политиков, готовых к более активному сотрудничеству с политическим истеблишментом. В конечном счете и им не удастся избежать своих ошибок, наиболее драматичной из которых станет раскол лейбористского правительства в 1931 г. в связи с неспособностью выработать долговременную экономическую стратегию в период великой депрессии. Лейбористы перевернут эту мрачную страницу своей истории, но первая страница, написанная Гарди, останется неизменной, и ею партия будет гордиться, несмотря на меняющиеся эпохи и приоритеты. Без преувеличения можно утверждать, что в целом на фоне череды последующих бурных десятилетий, партийных разногласий, идейных споров, моральный авторитет Гарди, тот импульс, который он придал лейбористской партии при ее рождении, его вклад в развитие идеи независимого рабочего представительства никогда не будет серьезно подвергнут сомнению ни правыми, ни левыми его последователями.

¹¹⁵ *Hughes E. Op. cit.*, p. 4.